

№297 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ФОМА

О. Александр Шмеман

«Если не увижу — не поверю...» — так сказал Фома, один из двенадцати учеников Христа в ответ на радостные рассказы тех, кто видел своего распятого и мёртвого Учителя воскресшим. И через восемь дней, по рассказу Евангелия, когда ученики снова были все вместе, явился Христос и сказал Фоме: «Тронь, осязай Меня, убедись...». И Фома воскликнул: «Господь мой и Бог мой!». И тогда Христос сказал ему: «Ты поверил, потому что увидел Меня, блаженны те, которые не видели и уверовали...».

По существу, миллионы людей думают и говорят так, как говорил Фома, и полагают, что такой подход — единственно правильный, единственно достойный мыслящего человека. «Если не увижу - не поверю...». На нашем современном языке — не называется ли это «научным» подходом?

А вот Христос говорит: «Блаженны не видевшие и поверившие». Значит, есть, значит, был другой подход, другая вера, другая возможность. Да, - говорят на это, но это подход наивный, нерациональный, одним словом, не научный. Это для отсталых. Я же человек современный, и вот: «если не увижу — не поверю».

Мы живем в мире великих упрощений и потому великого обеднения. «Научно», «ненаучно». Люди повторяют эти слова как самоочевидные, как сами собою разумеющиеся, и повторяют потому, что все вокруг их повторяют, не задумываясь и не рассуждая. По существу, сами-то они именно **ВЕРЯТ** в эти определения слепо и упрощенно. И потому им кажется, что всякий другой подход несерьёзен и не заслуживает внимания. Вопрос решён. Но так ли это?

Я только что сказал, что мы живем в мире великого обеднения. Действительно, если в итоге бесконечно долгого развития человек дошёл до этого утверждения — «я не поверю, если не увижу», — если оно представляется ему в **вер**хом мудрости и величайшим завоеванием разума, то наш мир — бедный, плоский, и главное — неизмеримо скучный мир. Если я знаю только то, что вижу, что могу осязать, измерять, анализировать, то - как же мало я знаю! Прежде всего, в этом случае отпадает весь мир человеческого духа, тех умозрений, того глубокого знания, которое вытекает не из «я вижу» или «я трогаю», а из «я думаю» и, главное, созерцаю. Отпадает то знание, которое веками было укоренено не во внешнем, эмпирическом опыте, а в какой-то другой способности человека, удивительной, и, пожалуй, действительно необъяснимой способности, которая отличает его от всего другого в мире, делает его существом поистине единственным. Осязать, измерять, давать точные сведения, даже предвидеть может — мы это знаем теперь — не только человек, но и робот, машина, компьютер. Больше того, этот робот — мы и это знаем — будет измерять, сопоставлять и давать безошибочно точные сведения лучше, чем человек, точнее, «научнее». Но вот чего никогда и ни при каких условиях никакой робот не будет способен делать — это восхититься, уви-

диться, осознать, умилиться, обрадоваться, увидеть то, как раз чего нельзя увидеть никаким измерением, никаким анализом. Никакой робот не услышит тех неслышных звуков, из которых рождается музыка и поэзия, не заплачет, не поверит. Но без всего этого разве не становится наш мир тусклым, скучным, я бы сказал, ненужным? О да, самолеты и космические корабли полетят еще дальше, ещё быстрее. Но куда и зачем? О да, лаборатории производят ещё более точные анализы. Но для чего? Мне скажут: «Для блага человечества». Понимаю, и в свою очередь отвечаю: в мире будет гулять здоровый, сытый, самодовольный человек, но он будет совсем слепым, совсем глухим, и он даже не будет сознать своей глухоты и слепоты.

«Не увижу — не поверю». Но ведь эмпирический опыт — это только один, и притом самый элементарный, и потому самый низкий вид знания. Эмпирический опыт полезен и необходим, но сводить к нему всё человеческое знание — это то же самое, что красоту картины постигать при помощи химического анализа красок. А то, что мы называем «верой», на деле есть второй, высший уровень человеческого знания, и можно сказать, что без этого знания, без веры человек не мог бы прожить и одного дня. Всякий человек во что-то верит, кому-то верит, и вопрос только в том, чья вера, чье видение, чье знание мира правильнее, полнее, более соответствует богатству и сложности жизни.

Говорят, Воскресение Христа — выдумка, потому что мёртвые не воскресают. Да, если нет Бога. Но если Бог есть, то смерть должна быть побеждена, так как Бог не может быть Богом распада и смерти. Тогда поверят: но Бога нет, так как никто Его не видел. Но что же значит тогда опыт миллионов людей, радостно утверждающих, что видели — не физическими глазами, а внутренним, глубоким и несомненным видением? Две тысячи лет прошло, а всё на как бы с неба падающее, радостное утверждение: «Христос Воскресе!» — несётся всё тот же ликующий ответ: «Воистину Воскресе!» Неужели не видите, неужели не слышите? Неужели на самой глубине своего сознания, по ту сторону всех анализов и измерений и осязаний не видите, не ощущаете вы неумирающего, лучезарного света, не слышите вечно звучащего голоса: «Я — Путь, и Воскресение, и Жизнь...»? Неужели не сознаёте, как в глубине нашей души Фоме Неверующему в нас, во мне, отвечает Христос: «Блаженны не видевшие и поверившие».

Зачем в раю понадобилось Древо Познания Добра и Зла

Есть такой детский вопрос: А зачем Бог посадил в раю это злосчастное дерево «познания добра и зла»? Ну а если уж и посадил эту вредную растительность — почему бы заборчиком её не оградить — таким высоким, с колючей проволокой? Змей ещё — гад ползучий — Еву искусил — неужели Всевышний так же не мог позаботиться, чтобы таковых в Эдеме не обреталось? Или сделать так, чтобы этот искуситель был неспособен нащёптывать людям всякие гадости — быть может, язычок ему укоротить слегка?

Взрослые также часто задают этот вопрос, но в другой форме. Почему Бог допускает зло в мире — войны, когда гибнут тысячи и миллионы невинных людей, убийц там всяких, негодяев? Мол, разве Богу трудно навести порядок на нашей планете? Почему было Всевышнему не сделать такой мир, который чётко расписан: туда, значит, туда, сюда, так сюда, вперед, шагай вперед, и - никакого тебе яблока, никаких удавов, искушений, маньяков, парламентских оборотней, правительственных преступников — всё чин-чинарём — газончики пострижены, домики все ровненькие, аккуратненькие, дорожки без единой ямочки, все улыбаются друг другу, здороваются, ну, в общем, сплошной рай на земле?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, вспомним – а вообще мир Бог творит, почему? От скуки? Нет, Всевышний самодостаточен – сказать, что Ему чего-то не хватает, будет ошибкой. В Боге, наоборот – избыток бытия, полнота жизни. И Господь возжелал этим избытком поделиться. Через много страниц в Библии Богу будет дано еще одно имя – «Любовь»: «Бог есть любовь», «Совершенная любовь». А что может быть ценнее самой жизни? Какой подарок может быть лучшим, чем бытие? И поэтому Всевышний нам дарует самую большую драгоценность – жизнь. Причём, жизнь, озарённую Его Божественной Любовью.

Но любовь, по сути это что? Это свободное согласие любящего на другое существо, на бытие с ним вместе, на готовность любимого поставить в центр своей жизни, причём, не скрепя сердцем, не вынужденно, а добровольно. А, следовательно, для того, чтобы творение могло ответить Богу на любовь, оно должно быть вольным. В нём должна быть заложена свобода.

Компьютеры с каждым годом всё мощнее и совершеннее. Лет через десять-двадцать, быть может, будет уже создан искусственный интеллект, быть может, даже высокого уровня. Но возрадоваться и возвеселиться компьютер никогда не сможет. Возможно эти машины «сумеют» имитировать чувства, весьма правдоподобно демонстрировать их проявление, но чувствовать, переживать, любить искусственный интеллект не сможет никогда по определению. Не способно на сие и существо, действующее исключительно по заложенным в него инстинктам – оно может что угодно – добывать себе пищу, обустроивать среду обитания, размножаться, воевать, но только не любить. Пчёлы, например – гениальнейшие насекомые – насколько они образцово-показательно ведут своё хозяйство! Какая там иерархия, дисциплина, порядок. Ни один человеческий коллектив не сможет сравниться по слаженности работы с ульем. Ну, разве возможно представить, чтобы какая-то пчела загуляла, стала сачковать, полетела на сторону прохладиться? Или ещё того хуже, драку со своими сёстрами устроила, дебош. Этого просто никогда не произойдет, потому что, несмотря на поразительный интеллект пчелы, она не свободна; все её действия обусловлены инстинктом, программой, которую вложил в неё Творец.

Подобным образом Господь мог запрограммировать и человека. Представляете, как было бы здорово – все до единого были бы такие правильные – мужья не просто не изменяли бы жёнам, но даже и не смотрели бы на чужих женщин. Все такие трудолюбивые, добренькие, вежливые – не то, что убить или украсть – грубого слова ни от кого не услышали бы. Кстати, некоторые толкователи пророческих книг Библии, в частности Апокалипсиса, считают, что когда-то в будущем так и случится – придёт к всемирной власти некий правитель, который в Библии именуется Антихристом и обеспечит такое вот всеобщее «благополучие», при этом полностью лишив людей свободы. Уже сегодня отработаны технологии управления подсознанием человека, а завтра элементарно, скажем, имплантируют населению чипы в головы – и сразу всеобщее благоденствие – ни воров тебе, ни взяточников, ни врунов, ни бездельников. Все законопослушные, легкоуправляемые – мечта любого тирана.

Но вот, незадача – то уже будут не люди. Да высокоорганизованные, человекоподобные, говорящие, но не люди. Ну и, соответственно, существование человечества в таком случае потеряет всяческий смысл, а поэтому и наступит светопреставление. Потому что главное, что отличает человека от животного – это свобода, это право на ошибку, право на грех. Даже не разум здесь главная отличительная черта – это было неправильно, что в своё время людей обозвали homo sapiens-ами. Мол, человек потому и человек, что у него есть ум. У животных тоже есть ум – дельфины, вон, говорят, очень умные. Да, человек, умнее дельфина, но не количество ума отличает его от любого животного, а свобода – возможность самостоятельно выбрать – так поступить или сяк. Отсюда же вытекает способность

человека и к творчеству, и к духовному совершенствованию и, в конечном плане к Богоуподоблению.

Так вот, значит, люди созданы свободными. Но свобода, как мы уже подчеркнули с Вами – это потенциальная возможность свернуть влево или вправо, следовать либо за волей Божией, в соответствии с Его замыслом, или сказать Всевышнему – «Нет». Свобода – это всегда риск. И Бог, наделяя нас свободой, идёт на этот риск. На то, что мы можем Ему сказать и «Нет».

Ещё раз повторимся. В чём это «нет» может состоять? В отвержении Божьего авторитета, в Богоотступничестве. Дескать, я здесь главный и не нужен мне никакой Бог. Я сам буду над всем распоряжаться, сам буду определять, что есть добро, и что есть зло. У меня будут свои критерии хорошего или дурного. Например, вот когда у меня что-то отняли, ну это, безусловно, плохо. А когда я воспользовался чужим – так это же просто замечательно! Т.е. Древо «познания добра и зла» это знак, символ того, что я сам определяю, что есть Добро, и что есть Зло. И если от него вкушаю плоды, значит, этим заявляю, мол: «Я САМ владею всем на свете – я – Вседержитель».

Ну а если так, то что из этого следует? Ведь если я сказал бы Богу – «да», согласился с тем, что Он Властелин мира, Он главный, то это значило бы, что я признаю Его авторитет; и тогда я обращён к Нему, я с Ним в связи, и тогда я могу получать от Бога жизненные силы. Это значило бы, что я, отказавшись от вкушения плодов Древа познания Добра и Зла, питаюсь от древа Жизни, т.е., от Самого Бога. Но если я отворачиваюсь от Всевышнего, рву с ним все связи, тогда принять от Него жизнь уже невозможно. И именно об этом Бог говорит в своей заповеди: «не ешьте от этого дерева, потому что если вкусите, то смертью умрете». Бог не имеет в виду, что эти плоды сами по себе смертоносны. Речь о другом – если вы порвете связь со Мною, Источником жизни, вы окажетесь без питания, без энергии, вы будете обесточены. Конечно, у вас есть какой-то старый запас, помещённый в вас самих – «автономное питание» так сказать, но его надолго не хватит – ну разве что лет на семьдесят или восемьдесят. А потом – всё. Поэтому, эту трагедию грехопадения человека нельзя рассматривать в юридической плоскости, как преступление и наказание. Дескать, человек не послушался Бога, прогневил Всевышнего, ну и наказан за свою провинность. Вовсе нет.

Порвав с Богом, человек сам себя покарал, причём, самым фактом разрыва со Всевышним. Ну, если привести ещё одну аналогию – грубую такую, это примерно то же, что налегать на свою американскую бабушку-миллионершу.

Разрушились отношения между Творцом и людьми, и человек блуждает в пустыне безбожия, жаркой, голодной, безводной пустыне. И будет ещё долго странствовать, доколе не возвратится в отчий дом, не восстановит эти близкие отношения с Богом, пройдя свой свободный, но горестный и длинный путь.

Все Вы хорошо знаете Евангельскую притчу о блудном сыне, который ушёл от отца, всё промотал, и, когда совсем ему нечего было уже есть, вернулся, думая, может, папа примет меня, как слугу. Но, как Вы помните, отец, ещё издалека увидев своего сыночка, побежал к нему навстречу.

Такова судьба человечества, цивилизации мира. Потому что история блудного сына – это всемирная история.

Как отец в притче не сказал ни слова сыну, не укорил его, не упрекнул, всё дал и молча проводил, так и Творец – отдаляет от себя человека, и человек уходит в свой путь, путь познания мира, но уже другой, горький путь познания. Земля уже отныне не друг его, он вступает с природой в борьбу, а она, в свою очередь, воюет с человеком, обстреливая его сорняками, заражая бактериями, вирусами, паразитами, потрясая землетрясениями, изводя засухами, наводнениями и грядущим глобальным потеплением.